

Яков Милошенко, 25-летний индивидуальный предприниматель из Петропавловска, был взят под стражу прямо в зале Камчатского краевого суда 5 февраля нынешнего года. Это произошло сразу после того, как судья Оксана Гулевская вынесла ему обвинительный приговор за совершение особо тяжкого преступления. Парень был главарем группировки, которая всерьез и по-крупному торговала наркотиками. Следующие пять лет Яков Милошенко должен был провести в колонии строгого режима. Но на свободе он оказался гораздо раньше, пробыв за решеткой всего два месяца и 11 дней. Так решила апелляция коллегия Верховного суда РФ.

Маленький наркокартель, во главе которого встал молодой бизнесмен из краевой столицы, был создан в августе 2012 года. Даже суд первой инстанции в своем обвинительном вердикте не мог не признать: Яков Милошенко «обладал даром убеждения, способностью руководить людьми, налаживать межличностные контакты, был целеустремленным, предприимчивым, решительным и настойчивым». С такой характеристикой – хоть в космонавты! Но ее обладатель избрал другой жизненный путь и два года назад стал сколачивать коллектив наркоторговцев.

Механизм его деятельности был также прост и столь же давно изобретен, как велосипед. Покупать наркотики крупными партиями, а продавать дозами в розницу.

Поставщиков, находящихся в Москве, можно было найти без особых усилий.

Потребителей, готовых душу продать за порцию дури, увы, хватает прямо по соседству. Но совершать все торговые операции самому и хлопотно, и опасно.

Первым, кого начинающий наркоторговец привлек в свою группу, стал его приятель. Тот сам был не прочь побаловаться наркотическими коктейлями, и имел таких же знакомых, которых вполне можно было привлечь в качестве первых постоянных клиентов. И тогда же, в конце лета 2012 года, в столице была заказана первая партия вещества, содержащего компоненты нафталина, и предназначенного для изготовления курительных смесей. Пакеты с наркотиками, как принято в таких случаях, прятали в различных предметах, которые потом отправлялись по назначению через частные курьерские службы. При этом курьеры прекрасно отдавали себе отчет в том, что и кому на самом деле они везут.

На себя Яков Милошенко взял закупки, кадровые вопросы мини-наркокартеля, а также конспирацию его деятельности. Первому из подчиненных поручил розничную реализацию. При этом продавец должен был отдавать боссу 500 рублей с каждого проданного грамма наркотика. Все, что удастся наторговать сверху, мог оставить себе в качестве вознаграждения.

Постепенно группировка разрасталась, причем для следующих ее участников расценки становились жестче. Для новых сбытчиков минимальная цена продажи устанавливалась уже в 800 рублей за грамм наркотика. Чтобы розничным торговцам обеспечить себя не только деньгами, но и личным запасом зелья, его приходилось щедро разбавлять растительными компонентами. Так увеличивали объем. Торговую сеть при этом распространили не только на Петропавловск, но и на Вилючинск.

О подобных структурах недаром говорят, что вход туда – рубль, а выход – два. Мы не знаем, чем именно пригрозил главарь своим подчиненным, но тем категорически запрещалось даже в мыслях упоминать имя Милошенко, если кого-нибудь из них поймают с поличным. На этот случай была разработана целая легенда, как о каналах поставки, так и о рынках сбыта наркотиков. Когда одного за другим продавцов задержали, никто из них ослушаться не посмел. Да и самого организатора группировки

лично знал только один из ее участников.

О том, как именно сотрудникам полиции и наркоконтроля удалось разоблачить преступную группу и задержать ее участников, мы говорить не будем. Это уже детали оперативной работы, которые не подлежат разглашению. Так или иначе, дело дошло до суда. Причем, по представлению прокурора, рассматриваться оно должно было в так называемом «особом порядке».

Если говорить просто, то особый порядок судебного разбирательства – это упрощенная процедура рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и применением данного порядка судопроизводства. Если еще проще, то особый порядок – это когда обвиняемый полностью согласен с тем, как его деяния квалифицировали органы следствия или дознания, не желает исследования доказательств в суде и готов к приговору с учетом обязательного смягчения наказания. Яков Милошенко полностью признал свою вину и заключил соглашение со следствием. В соответствии с ним обязался не только дать самые полные показания о преступной деятельности своей группировки, но и назвать Интернет-сайт, где закупались наркотики, а также имя курьера, который их доставлял. При необходимости он должен был принять участие и в оперативных мероприятиях. Справедливости ради отметим, что все эти обязательства он добросовестно выполнил.

После этого Милошенко должен был получить наказание ниже низшего предела, установленного статьей, по которой его обвиняли. Для тех, кто не знаком с тонкостями уголовного законодательства, поясним, что часть 5 статьи 228.1 УК РФ, по которой обвиняли преступника, называется «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств в особо крупном размере». Она предусматривает наказание в виде лишения свободы от 15 до 20 лет, или пожизненный срок. Подсудимый получил пять лет, или другими словами треть от минимума.

Суд учел все. На одной чаше весов Фемиды оказалось то, что Милошенко ранее не судим, его положительные характеристики, как по месту жительства, так и от предыдущих работодателей, раскаяние подсудимого, отсутствие отягчающих обстоятельств. На другую чашу положили тяжесть совершенного им преступления. И вышло так, что условного наказания для осужденного недостаточно. Его исправит только тюрьма.

Но адвокат, которая вначале не возражала против того, чтобы ее подзащитный полностью признал свою вину ради хоть какого-то смягчения приговора, затем не согласилась с вердиктом краевого суда и подала апелляционную жалобу. Она настаивала на том, что назначенный крупному наркоторговцу срок является слишком суровым наказанием. Карой, а не исправлением. И вообще, бедовать беду лучше не в колонии строгого режима, а дома. И Верховный суд с ней... полностью согласился! Человеку, осужденному по статье, предусматривающей, помимо прочего, пожизненное заключение теперь всего лишь запретили менять место жительства, работы или учебы без уведомления государственного органа, контролирующего его поведение. А если уведомит, то и переехать может, и работу сменить. Это даже не «отделался легким испугом». Тут и до испуга-то дело не дошло.

Любой из читателей спросит: что же произвело такое впечатление на судью Верховного (или Виртуального?) суда Александра Червоткина? Только то, как определил он, что у Милошенко «тяжело больная мать». Не разглашая врачебную тайну, скажем: со своим диагнозом мама Яшу-наркоторговца из колонии вряд ли бы дождалась.

Так уж принято в этой криминальной среде, что о матерях вспоминают не перед тем, как преступать закон, а только после приговора. Отсюда и темы так называемого «блатного» шансона. Как говорится, «не жди меня, мама, хорошего сына». Но вспомнил ли судья Червоткин, утверждая свое определение, о тех матерях, чьим детям Милошенко и его подручные сбывали наркотики? О чем он думал вообще, превращая Верховный в Виртуальный суд РФ? Многие граждане почему-то твердо уверены, что наркотики к нам попадают исключительно из-за кордона. Года три-четыре назад с легкой руки премьер-министра Медведева в обиход россиянина даже вошло слово «наркотрафик». Это, вроде как, такой маршрут. По которому международные или отечественные наркокурьеры снуют туда-сюда. Пример организованной преступной группы, главарем которой был Яков Милошенко, легенду про наркотрафик отвергает напрочь.

И он не единственный продавец смерти, в отношении которого наше правосудие проявляет несвойственную ему мягкость.

24 февраля 2012 года вилючинский горсуд дал три с половиной года условно, как следует из официального сообщения пресс-службы, некоему И., который продавал метилнафталин, партия которого попала под законодательное понятие «крупный размер».

23 июня нынешнего года за наркоторговлю был приговорен к условному сроку участник организованной преступной группы, занимавшейся наркоторговлей опять-таки в крупных размерах. Шесть лет и восемь месяцев лишения свободы условно – приговор петропавловского горсуда одному из членов группировки Милошенко. И таким мягким вердиктам нет числа.

Суды исправно осуждают виновных в смертельной торговле, но выносят им условные сроки. Складывается парадоксальная ситуация, когда два года колонии можно получить за украденный мешок с картошкой и условный срок – за чужую жизнь. Зная ситуацию в российском правосудии, можно предположить: отмена приговора в вышестоящей инстанции для самого судьи как приговор. Несколько таких, и судьей он быть перестанет. И вот уже в августе нынешнего года судья Евгений Кириллов из Камчатского краевого суда приговаривает к «наказанию дома» банду наркоторговцев под руководством Тупчиенко и Тарасенко. Одному пять лет, другому – семь. Условно. Зачем нужна строгость, если за нее бьют?

Увеличение количества условных приговоров за «торговлю смертью» стало очевидной тенденцией за последнюю пару лет. У свидетелей таких процессов появляется ощущение безнаказанности от посягательства на человеческую жизнь. И незащищенности от преступника, который в суде уходит от реального наказания. Очень странные приговоры выносятся судьями, если не сказать крепче. Давайте вспомним слова Президента РФ Владимира Путина, где он приравнял наркоторговлю к угрозе жизненным интересам страны. Интересно, судьи чувствуют эту угрозу, или у них иное чутье?

Дмитрий ЧЕРНОВ.